

Мораль языческаго философа Сенеки и современное отноше́ніе къ вопросамъ нравственности¹⁾).

Много славныхъ именъ завѣщала намъ классическая древность, повѣствованіе о жизни и дѣлахъ многихъ великихъ людей передала она въ назиданіе намъ и имя философа Сенеки между этими именами занимаетъ далеко не послѣднее мѣсто. Правда, не совершилъ онъ какихъ-нибудь великихъ открытій въ области наукъ и искусствъ, не прославился какими-нибудь громкими побѣдами. Его дѣло, повидимому, очень скромное. Въ то время, какъ римское общество, извѣрившись въ своихъ боговъ, погрузилось въ мракъ невѣрія и суевѣрія, утонуло въ роскоши и нѣгѣ, ударилося въ чудовищный развратъ, онъ дерзнулъ напомнить ему, что человѣкъ — не животное, что онъ выше и для высшаго рожденъ, что счастье человѣка не въ наслажденіи земными благами заключается, не въ служеніи тѣлу и его низшимъ влеченіямъ состоитъ, а создается удовлетвореніемъ высшихъ потребностей духа, нравственнымъ усовершенствованіемъ, которое можетъ быть достигнуто только путемъ тяжелой нравственной борьбы съ гнѣздящимися въ душѣ человѣка страстями и пороками. Но развѣ не великое дѣло — стать „педагогомъ человѣчества“, взять на свою обязанность нравствен-

¹⁾ Речь, предложенная въ залѣ Киевскаго Религіозно-просвѣтительнаго Общества, 26-го декабря 1904 года.

ное руководство обществомъ, погружившимся въ бездну грѣха и порока,—заботу объ исцѣленіи больныхъ душъ, о выздоровленіи ближнихъ своихъ, взять, притомъ, не въ силу какихъ-нибудь внѣшнихъ побужденій, тѣмъ болѣе не по эгоистическимъ, или тщеславнымъ мотивамъ, а единственно въ силу нравственного сознанія, сочувствія къ ближнимъ своимъ? Выше и почтеннѣе этого дѣла нѣтъ, да и не можетъ быть. Человѣчество всегда нуждалось въ подобнаго рода нравственныхъ руководителей, особенно въ такія эпохи, какова была эпоха Сенеки и дѣятельность этихъ руководителей была плодотворна и полезна для него. Правда, нравственное руководство Сенеки, повидному, является излишнимъ и теряетъ свой смыслъ, потому что Сенека († 65 г. по Р. Хр.) жилъ въ то уже время, когда въ мірѣ ярко зажегся свѣтъ Христова ученія, когда апостолы Христа во имя Его громко призывали народы къ религиозно-нравственному возрожденію, когда, слѣдовательно, въ роли нравственного руководителя выступила возвышенная ими великая религія христіанская. Но это ничуть не умаляетъ значенія Сенеки. Въдъ христіанство не сразу охватило міръ, не сразу проникло во все слои общества; оно подчиняло своему вліянію души всѣхъ постепенно и нужно было пройти тремъ вѣкамъ, разразиться страшнымъ ураганомъ гоненій, пока, наконецъ, оно приобрѣло право, такъ сказать, законнаго нравственного руководства человѣчествомъ. Но чѣмъ же питались гладныя духовнымъ голодомъ души тѣхъ, кто хотя и жилъ рядомъ съ христіанствомъ, но не зналъ его? А такихъ и послѣ Сенеки, а тѣмъ болѣе во время его, было не малое число? Очевидно, этой духовной пищей для нихъ могли быть идеи языческихъ мудрецовъ, силою естественнаго ума своего проникшихъ въ сокровенныя глубины человѣческаго духа, понявшихъ его богоподобную природу и возвысившихся до самыхъ чистыхъ идей и созерцаній. Однимъ изъ такихъ мудрецовъ и былъ римскій философъ Се-

чека, этотъ мудрецъ съ портфелемъ министра, этотъ богачъ, живущій среди роскоши жизнью простого бѣдняка, этотъ человѣкъ, всѣ думы и чувства котораго были сосредоточены всецѣло на нравственномъ ничтожествѣ какъ собственномъ, такъ и всего человѣчества, чуткое къ добру сердце котораго всегда горѣло жаждой личнаго и общественнаго возрожденія и совершенствованія. И дѣйствительно, нравственное сознаніе этого моралиста такъ высоко, чувство порочности человѣческой такъ глубоко, жажда нравственнаго исцѣленія такъ сильна, что другого мудреца, подобнаго ему, за исключеніемъ развѣ Сократа и Платона, въ исторіи язычества и указать нельзя. Въ этомъ мы легко убѣдимся, если даже вкратцѣ ознакомимся съ его нравственнымъ ученіемъ, поскольку оно выступаетъ въ его философскихъ произведеніяхъ, если ознакомимся съ тѣмъ, что мыслилъ и думалъ мудрый язычникъ о нравственныхъ задачахъ и обязанностяхъ человѣка. Съ ученія Сенеки объ этихъ нравственныхъ задачахъ, вытекающихъ изъ его понятія о природѣ человѣка, мы и начнемъ изложеніе его моральныхъ воззрѣній.

I.

Человѣкъ, по ученію Сенеки, есть высшее звено въ ряду всѣхъ существъ міра, стоящее неизмѣримо выше всѣхъ ихъ и занимающее въ мірѣ второе и ближайшее мѣсто непосредственно послѣ Божества ¹⁾. Изъ всѣхъ живыхъ существъ міра онъ одинъ только обладаетъ богоподобнымъ разумомъ ²⁾, а потому и высшая цѣль его жизни заключается въ слѣдованіи Богу (*sequere Deum*), подражаніи ему (*imitari Deum*) ³⁾

¹⁾ *De Benef.* II, 29, 3. 6. Пользуемся изданіемъ Haase, vol. I—III. Lipsiae. 1895.

²⁾ *Epist.* 66, 13; 92, 1; 120, 14; 41, 5; *Ad Helviam* 11, 6; *Nat. Quaest.* 1 prol. 12 и др.

³⁾ *Dev. b.* 15, 5; *Epist.* 95, 50.

и почитаніи его (colere Deum). А такъ какъ истинно почитать, подражать и слѣдовать Богу можно только при посредствѣ добродѣтели, выше и прекраснѣе которой нѣтъ ничего ¹⁾, то только добродѣтель и есть само въ себѣ благо, только она и можетъ принести спокойствіе духу и сдѣлать человѣка достойнымъ вступить въ союзъ съ Богомъ ²⁾. Правда, разсуждалъ Сенека, имѣя въ виду Эпикурейцевъ, есть люди, которые цѣлю человеческой жизни и дѣятельности ставятъ удовольствіе, но они, конечно, глубоко заблуждаются. Вѣдь, человѣкъ есть прежде всего существо духовное, а потому высшей цѣлью его бытія не можетъ быть благо чувственное, т. е. удовольствіе ³⁾. Последнее можетъ быть благомъ только развѣ для неразумныхъ животныхъ, ибо оно есть „нѣчто низкое, рабское, слабое и безсильное“, между тѣмъ какъ добродѣтель есть нѣчто высокое, великое, царственное, необходимое. Удовольствіе мимолетно и скоро преходяще; оно такъ же быстро уходитъ, какъ и приходитъ, въ самомъ себѣ нося свой конецъ, а добродѣтель безсмертна и никогда не можетъ погибнуть ⁴⁾. Чувственное удовольствіе съ добродѣтелью несоединимо, но она сама въ себѣ заключаетъ и истинное удовольствіе и истинную радость ⁵⁾. Если же такъ, то только добродѣтель есть высшее и единственное благо человѣка ⁶⁾ и только обладаніе ей одной можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ ⁷⁾. При этомъ, счастье, достигаемое чрезъ добродѣтель, такъ полно, что ничто уже внѣшнее не можетъ увеличить, ни уменьшить его, и такъ прочно, что ничто не можетъ раз-

¹⁾ Epist. 67, 1.

²⁾ Nat. Quaest. I Prol. 17. 6; De providentia I, 5.

³⁾ Epist. 124, 2.

⁴⁾ De vita beata 7, 1—4.

⁵⁾ Epist. 27, 3; 23, 3—5; De ira II, 6, 2.

⁶⁾ Epist. 71, 4 и passim.

⁷⁾ De v. b. 16, 13; Ep. 74, 1; 119, 11 и др.

рушить его: ни бѣдность, ни страданія, ни скорбь, ни безславіе, ни даже самая смерть ¹⁾. Правда, на ряду съ этимъ истиннымъ благомъ человѣку доступны и другія блага, такъ называемыя внѣшнія; напр.: богатство, слава, честь, красота, здоровье, но это—не истинныя блага и какъ свѣтъ маленькой лампочки не можетъ усилить свѣта солнечнаго, такъ и эти блага не могутъ ничего прибавить къ счастію добродѣтельнаго человѣка ²⁾. Даже болѣе. Это ложныя и обманчивыя блага ³⁾, во-первыхъ, потому, что они допускаютъ возможность дурного пользованія ими ⁴⁾, могутъ служить источникомъ даже прямого вреда для владѣльца ихъ ⁵⁾, во 2-хъ, потому, что они въ одинаковой мѣрѣ доступны какъ добродѣтельнымъ, такъ и дурнымъ людямъ ⁶⁾, послѣднимъ даже въ большемъ количествѣ, чѣмъ первымъ и, въ 3-хъ, наконецъ, потому, что они составляютъ нѣчто внѣшнее по отношенію къ духу человѣка и не отъ него самого зависятъ ⁷⁾. Конечно, добродѣтельный человѣкъ можетъ ими пользоваться, но онъ никогда не долженъ позабывать, что блага эти временны и скоропреходящи и что рано или поздно онъ потеряетъ ихъ, а потому и относиться къ нимъ онъ долженъ безразлично, не прилѣпляясь къ нимъ душой и не страшась мысли потерять ихъ. Такъ, напр., человѣкъ можетъ владѣть богатствомъ, если судьба посылаетъ его, но онъ долженъ имѣть его только въ домѣ своемъ, а не въ душѣ ⁸⁾. А чтобы душа могла спокойно взирать на богатство, необходимо, чтобы оно было пріобрѣтено честно, безъ обиды и безъ на-

¹⁾ Passim.

²⁾ Epist. 92, 4—5.

³⁾ Epist. 120, 3.

⁴⁾ Ibid.

⁵⁾ Epist. 87, 36.

⁶⁾ De v. b. 24, 5.

⁷⁾ Epist. 74, 1.

⁸⁾ De v. b. 21, 4.

силія ближнему, тѣмъ болѣе, чтобы оно не было обогрено кровію, чтобы, отворяя двери своего дома, человѣкъ, владѣющій богатствомъ, могъ съ спокойной душой сказать всѣмъ: „если кто изъ васъ признаетъ что-нибудь своимъ, пусть возьметъ“ ¹⁾). Но, и владѣя богатствомъ, человѣкъ долженъ зорко слѣдить, какъ бы оно не развратило его душу, почему богатый долженъ всегда упражнять себя въ бѣдности: питаться простой пищей, носить простую и грубую одежду и спать на жесткой постели ²⁾). Этимъ человѣкъ закалитъ свой духъ и легко перенесетъ горе, если случайности судьбы отнять у него богатство. „Тотъ лучше всего пользуется богатствомъ, говоритъ Сенека словами Эпикура, кто менѣе всего нуждается въ немъ“ ³⁾). Долженъ человѣкъ заботиться и о здоровьѣ своего тѣла ⁴⁾), укрѣпляя его физическимъ трудомъ и прогулками на свѣжемъ воздухѣ ⁵⁾). Но эта забота не должна переходить въ рабство тѣлу, и, тѣмъ болѣе, въ потворство его страстямъ ⁶⁾), ибо „для кого слишкомъ дорого тѣло, для того добродѣтель (это высшее и единственное благо) имѣетъ мало цѣны“ ⁷⁾). И это понятно, если принять во вниманіе, чѣмъ служить тѣло человека по отношенію къ его богоподобному духу. Вѣдь, тѣло это—тяжелое бремя, это оковы ⁸⁾), стѣсняющія свободу духа ⁹⁾ и препятствующія человѣку въ достиженіи имъ высшихъ цѣлей своего бытія; это—только временное и при томъ соединенное съ громадными неудобствами пристанище духа ¹⁰⁾), кото-

¹⁾ De v. b 23, 1—2.

²⁾ Epist. 18, 5.

³⁾ Epist. 14, 17.

⁴⁾ Epist. 14, 2; 8, 5.

⁵⁾ Epist. 84, 1.

⁶⁾ Epist. 14, 1—2.

⁷⁾ Ibid.

⁸⁾ Ad Marciam 24, 5; Epist. 92, 33; 24, 17; 65, 16; 103, 26.

⁹⁾ Ad Helv. 11, 7; Epist. 65, 17.

¹⁰⁾ Epist. 120, 14.

рое онъ покидаетъ въ моментъ смерти ¹⁾, это—темница ²⁾, изъ которой духъ всегда страшится вырваться.

Вотъ почему не заботиться чрезмѣрно о тѣлѣ долженъ человѣкъ, а, наоборотъ, высшая цѣль его состоятъ въ освобожденіи отъ его узъ ³⁾, ибо только по мѣрѣ этого освобожденія духъ человѣка становится въ состояніи постигать свое божественное происхожденіе, равно какъ и познавать истинную природу вещей, чему тѣло всегда оказываетъ сильное противодѣйствіе ⁴⁾.

Но если только добродѣтель есть истинное благо, возвышающее духъ человѣка и сообщающее его жизни истинный смыслъ и цѣль, то, съ другой стороны, истиннымъ зломъ, унижающимъ нравственное достоинство человѣка и приводящимъ въ разстройство всю душевную жизнь ⁵⁾, можетъ быть только порокъ. И какъ добродѣтель есть порожденіе внутренняго существа человѣка, такъ точно и основаній порока мы должны искать не вовнѣ человѣка,—ибо все, что внѣ человѣка, то нравственной цѣнности не имѣетъ, то ни благо, ни зло,—а въ самомъ же человѣкѣ, въ его собственной душѣ. „Зло наше, говоритъ Сенека, не вовнѣ насъ находится, а внутри насъ; оно коренится въ самыхъ нѣдрахъ нашего внутренняго существа“ (*in visceribus ipsis sedet*) ⁶⁾, гдѣ и получаетъ свое начало. Не природа, не внѣшнее что-нибудь дѣлаетъ насъ дурными и порочными, не она производитъ то, что „мы умираемъ худшими, чѣмъ рождаемся“ ⁷⁾, а мы сами себя дѣлаемъ такими. Рождаемся мы безъ пороковъ, безъ срастей, безъ суевѣрій, безъ вѣроломства, словомъ

¹⁾ Ad Marc. 24. 5; 23, 1—2.

²⁾ Epist. 65, 21.

³⁾ Epist. 65, 17, 22; 78, 10

⁴⁾ Ad Helv. 11, 6; Ad Marc. 24, 5.

⁵⁾ Epist. 122, 5.

⁶⁾ Epist. 50, 4.

⁷⁾ Epist. 22, 15.

безъ всякихъ внутреннихъ язвъ¹⁾),—они приходятъ въ нашу душу уже потомъ²⁾), когда ей овладѣваетъ чувственность и подчиняетъ ее себѣ³⁾), когда начало низшее, неразумное беретъ себѣ въ подчиненіе начало высшее и разумное. Но если добродѣтель приноситъ человѣку счастье, то, наоборотъ, порокъ дѣлаетъ его вполне несчастнымъ. Правда, намъ кажется иногда, что и порочные люди пользуются счастьемъ, болѣе чѣмъ даже добродѣтельные наслаждаются житейскими благами, но это—наше мнѣніе—ошибочно. „На тѣхъ, кого мы обычно считаемъ счастливыми, говорить Сенека, нужно смотрѣть не съ показной, высшей стороны, а съ внутренней“, съ этой же стороны они могутъ оказаться жалкими и гадкими, блестящими только снаружи, какъ вызолоченныя и выбѣлennыя стѣны ихъ домовъ⁴⁾. Можетъ быть, что даже и это эфемерное счастье не ими самими заслужено, а ихъ предками, за добродѣтельную жизнь которыхъ Божественное Провидѣніе и награждаетъ потомковъ, даже и порочныхъ⁵⁾. Вѣдь, у Бога, отъ вѣдѣнія котораго ничто не скрыто⁶⁾, ни добродѣтель не остается безъ награды, ни порокъ—безъ наказанія. Ни одно преступленіе, даже такое, которое съ точки зрѣнія обычныхъ законовъ человѣческихъ и не можетъ быть судимо, какъ не проявляющееся вовнѣ, а остающееся только внутреннимъ настроеніемъ, простымъ намѣреніемъ, не избѣгнетъ суда Божія и наказанія его⁷⁾. Къ сожалѣнію, люди забываютъ объ этомъ, почему сердца ихъ притягиваются болѣе къ пороку, чѣмъ къ добродѣтели. Грустнымъ взоромъ окиды-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Epist. 94, 55.

³⁾ De ira II, c. 3.

⁴⁾ De prov. 6, 4; Epist. 9, 22

⁵⁾ De benef. IV, 32, 1.

⁶⁾ De benefic. V, 25, 4.

⁷⁾ Ibid. III, 6, 2.

ваетъ Сенека нравственное состояніе современнаго ему чело-
вѣчества и глубокая скорбь охватываетъ душу его при видѣ
той глубины нравственнаго развращенія, въ которой погря-
зло все челоѳчество, той силы пороковъ и преступленій,
которая царить въ мірѣ и родѣ челоѳческомъ. Куда ни
направляется взоръ Сенеки, онъ всюду видитъ поспраніе
добродѣтели и торжество пороковъ и преступленій и изъ
груды моралиста невольно вырывается сознаніе: „всѣ мы
дурны, и будучи дурны сами, живемъ среди дурныхъ¹⁾.
„Мы всѣ грѣшимъ (omnes peccavimus), одни—тяжело, дру-
гіе—болѣе легко, одни—намѣренно, другіе—случайно; всѣ
слишкомъ мало укрѣпились въ добрыхъ намѣреніяхъ и...
потеряли свою невинность“²⁾. „Въ насъ царятъ всевозмож-
ные пороки: одного изъ насъ природа побуждаетъ къ любо-
стяжанію, другой—преданъ вину, третій—плотской стра-
сти“³⁾. Однимъ словомъ, говоритъ Сенека, „если мы хо-
тимъ быть справедливыми во всѣхъ отношеніяхъ (aequi re-
rum omnium iudices), то прежде всего должны убѣдить себя
въ томъ, что между нами нѣтъ никого невиннаго (neminem
nostrum esse sine culpa)“. Конечно, сознаться въ этомъ не
легко. „Я ни въ чемъ не согрѣшилъ, я ничего преступнаго
не сдѣлалъ“, говоритъ вмѣсто этого сознанія всякій. Ко-
нечно, отвѣчаетъ такому философу, „ты, вѣдь, ни въ чемъ
не сознаешься. Мы вообще негодуемъ, когда насъ хотятъ
исправить, а между тѣмъ въ это же время грѣшимъ, при-
соединяя къ дурнымъ поступкамъ своимъ еще дерзость и
своеволие. Но кто изъ насъ найдется такой, чтобы призналъ
себя невиннымъ по отношенію ко всѣмъ законамъ?

Если бы даже это и случилось, то, вѣдь, слишкомъ
ограниченна невинность, (заключающаяся въ томъ), чтобы

¹⁾ De ira III, 26, 4; Epist. 75, 15.

²⁾ De clementia I, 6, 3.

³⁾ De benefic. IV, 27, 3, Ib. V, 17, 3.

быть добрымъ по закону! Не гораздо-ли шире область обязанностей, (предписываемыхъ именемъ человѣка), чѣмъ область постановленій закона? Какъ много вѣдь изъ того, чего нѣтъ въ гражданскихъ законахъ (*extra publicas tabulas sunt*), требуетъ благочестіе, человеколюбіе, свобода, справедливость и вѣрность¹⁾. Слѣдовательно, если бы и нашелся непорочный предъ внѣшнимъ закономъ, то съ точки зрѣнія закона внутренняго, закона неписаннаго никто не можетъ быть изъятъ изъ наказанія²⁾, потому что предъ внутренними очами, предъ своею совѣстію никто не останется чистымъ³⁾. Правда, пороки и преступленія были во все времена⁴⁾ и какъ предки наши жаловались на нихъ, такъ будутъ жаловаться и потомки. Они лишь подвергаются въ различныя эпохи незначительнымъ измѣненіямъ: въ одну эпоху преобладающимъ является одинъ порокъ, въ другую — другой. Но во все времена какъ были, такъ и будутъ убійцы, тираны, воры, прелюбодѣи, грабители и предатели⁵⁾. И чѣмъ дальше, тѣмъ ростъ пороковъ и преступленій усиливается все болѣе и болѣе. Въ прежнее время, въ тотъ золотой вѣкъ, когда люди были ближе къ природѣ и богамъ, они были добродѣтельнѣе⁶⁾. Но чѣмъ болѣе человѣчество удалялось отъ природы, чѣмъ болѣе развивалась культура со всеми искушающими духъ человѣческой удобствами, тѣмъ болѣе усиливались страсти, зрѣли пороки, являлись преступленія и теперь „все полно ими“⁷⁾. Путемъ примѣра и соблазна пороки и доселѣ распространяются отъ одного человѣка къ другому, отъ поколѣнія переходятъ къ поколѣнію,

¹⁾ De ira II, 28, 1—2.

²⁾ Ibid. c. 31, 8.

³⁾ Epist. 94, 70.

⁴⁾ Epist. 97, 1.

⁵⁾ De benef. I, 10, 1—4.

⁶⁾ Epist. 90, 4.

⁷⁾ De ira II, 9, 1 дал.; Epist. 90, 1—10.

изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ. Жизнь теперь—это война ¹⁾ и какъ на войнѣ никто не падаетъ безъ того, чтобы не увлечь съ собой другого, такъ стало и въ жизни ²⁾. Одинъ другого толкаемъ мы на путь пороковъ ³⁾ и погрязая въ безуміи сами, распространяемъ его и на ближайшихъ къ намъ людей, не встрѣчая съ ихъ стороны никакого противо-дѣйствія ⁴⁾. Въ концѣ концовъ можно проникнуться ненавистью ко всему роду человѣческому, если подумать, какъ рѣдка теперь простота, какъ безызвѣстна невинность, и какъ подкупна даже вѣрность, наблюдаемая лишь тамъ, гдѣ представляется выгода. Подавленный всей массой пороковъ духъ погрузился въ почной мракъ и послѣ того какъ добродѣтели, которыхъ теперь и ждать нельзя, пизринуты, въ мірѣ воцарилась мрачная, непроглядная (нравственная) темь ⁵⁾.

Но неужели нѣтъ средствъ разсѣять этотъ нравственный мракъ, сгустившійся надъ человѣчествомъ, ужели человечество положительно не въ силахъ подняться изъ бездны пороковъ, ужели нѣтъ никакого пути ко спасенію и исцѣленію? Есть этотъ путь, но, къ сожалѣнію, люди не хотятъ знать его: это—путь трудной и тяжелой борьбы съ собственными страстями и пороками. „Мы, вѣдь, вообще, сознаетъ Сенека, движемся впередъ не иначе, какъ черезъ борьбу съ препятствіями“ ⁶⁾. Но напрасно надѣялся бы человѣкъ вести эту борьбу побѣдоносно самъ, одними только своими силами; одинъ онъ сдѣлать этого не въ состояніи. Развращающій духъ атмосферы такъ великъ, такъ мощно стремится всякаго захватить своей широкой волной и такое сильное вліяніе оказываетъ на отдѣльныя единицы, что самъ собой никто не

¹⁾ Epist. 96, 5.

²⁾ De vita b. I, 4—5.

³⁾ Epist. 41, 9.

⁴⁾ Epist. 94, 54.

⁵⁾ De tranqu. animi 15, 1.

⁶⁾ Epist. 52, 7.

въ состояніи подняться изъ той глубокой бездны грѣха, въ которую всѣ погрузились и впали. „Нужно, чтобы кто-нибудь другой простеръ ему руку и извлекъ его изъ мрака“¹⁾, ему нужна, слѣдовательно, помощь посторонняя въ дѣлѣ нравственнаго исправленія. Однако, въ это дѣло исправленія человѣкъ можетъ все-таки вложить нѣчто и съ своей стороны. Правда, онъ чувствуетъ слабость своей воли; онъ ощущаетъ въ груди своей присутствіе какой-то силы, которая влечетъ его въ одну сторону, когда онъ стремится въ другую, которая толкаетъ его туда, откуда онъ желалъ бы убѣжать²⁾; онъ не вѣритъ, что можетъ еще исправиться и нравственно улучшиться, но это потому, что онъ слишкомъ любитъ свои пороки, слишкомъ привязанъ къ нимъ и болѣе легкимъ считаетъ защищать и извинять ихъ въ себѣ, чѣмъ удалить отъ себя. Слѣдовательно, главная причина слабости воли человѣка заключается вовсе не въ томъ, что онъ *не можетъ*, а лишь въ томъ, что онъ *не хочетъ* бороться съ пороками; невозможность это пустая оговорка³⁾. Достаточно одного уже сознанія грѣха, чтобы процессъ нравственнаго исправленія начался и ступилъ на твердый и прямой путь, „ибо сознаніе грѣха, говоритъ Сенека словами Эпикура, и есть начало нравственнаго выздоровленія“⁴⁾. Вѣдь, пока человѣкъ не созналъ, что онъ боленъ, онъ не станетъ заботиться о своемъ

¹⁾ Epist. 52, 2: „nemo per se satis valet, ut emergat, oportet manum aliquis porrigat, aliquis educat“. Ближайшій смыслъ этого мѣста въ связи съ контекстомъ рѣчи можетъ быть тотъ, что человѣку, слабому волей, необходима помощь другого человѣка, болѣе сильнаго духомъ и болѣе нравственнаго, который бы и явился для него образцомъ для подражанія. Здѣсь, слѣдовательно, можно видѣть указаніе на необходимость въ дѣлѣ нравственнаго исправленія руководительства другого человѣка. Но въ дальѣйшемъ здѣсь можно усматривать и выраженіе языческаго сознанія необходимости божественной помощи для спасенія и искупленія человѣчества.

²⁾ Epist. 52, 1.

³⁾ Epist. 116, 8.

⁴⁾ Epist. 28, 9; 6, 1.

выздоровленія и не прибѣгнуть къ помощи врача. Такъ точно и въ дѣлѣ выздоровленія отъ пороковъ. Но разъ возникло сознаніе грѣха, то вмѣстѣ съ нимъ должно родиться и желаніе освободиться отъ него, отбросить его отъ себя во что бы то ни стало, если бы даже самое сердце пришлось вырвать вмѣстѣ съ нимъ ¹⁾). Неустанно и бдительно пужно тогда слѣдить за собой, не отдавая въ борьбѣ съ грѣхомъ ни отдыха, ни покоя, преслѣдуя порокъ безъ конца и безъ мѣры ²⁾), ибо только „непрестанная бдительность и неослабное напряженіе воли всякое дѣло доводитъ до совершенства“ ³⁾). Совѣсть, эта внутренняя божественная сила, обитающая въ груди человека и оцѣнивающая всѣ его поступки, вѣрно и нелицемѣрно контролирующая ихъ ⁴⁾), является при этой борьбѣ съ пороками надежнымъ руководителемъ. Какъ незримый свидѣтель, одобряющій добродѣтель, и порицающій порокъ, живетъ она въ душѣ каждаго и нѣтъ такого человека, который могъ бы избѣжать ея контроля. Напрасно, поэтому, люди стараются скрывать свои дурные поступки, избѣгаютъ свидѣтелей: отъ своей совѣсти они никогда и никуда не убѣгутъ. „Что ты скрываешь? спрашиваетъ философъ такихъ людей; стражъ твой сопутствуетъ тебѣ; отъ него ты никогда не можешь освободиться. Что-жъ ты ищешь потаеннаго мѣста и избѣгаешь свидѣтелей? Ты думаешь уже, что скрылся отъ глазъ всѣхъ? Безумецъ! Что за польза тебѣ не имѣть свидѣтеля (consciūm), когда ты имѣешь уже совѣсть (этого неизмѣннаго свидѣтеля не только дѣлъ, но и мыслей твоихъ)“? ⁵⁾ „Если благо то, что ты дѣлаешь, то пусть всѣ знаютъ, если же—зло, то что за важность для

¹⁾ Epist. 51, 13.

²⁾ Epist. 51, 13.

³⁾ Epist. 69, 5.

⁴⁾ De brev. vitae 10, 3

⁵⁾ Fragm. 14 въ изд. Naase p. 421

тебя въ томъ, что никто не знаетъ объ этомъ, когда ты самъ уже знаешь?“¹⁾ „Что за польза таиться и избѣгать тебѣ людскихъ глазъ и ушей? Добрая совѣсть готова звать цѣлую толпу свидѣтелей, (и все-таки оставаться спокойной), а злая—и въ одиночествѣ безпокойна и боязлива“²⁾. Но если голосъ совѣсти такъ могучъ и контроль ея такъ вѣренъ, то долгъ всякаго, ревнующаго о своемъ исправленіи, прислушиваться къ этому голосу и ежедневно отдавать себя на судъ, „призывая душу свою ежедневно къ тому, чтобы она отдала (предъ совѣстію) отчетъ“ (въ сдѣланномъ и сказанномъ въ теченіе дня)³⁾. Хорошо въ этомъ отношеніи брать примѣръ съ философа Секстія, который имѣлъ прекрасное обыкновеніе испытывать ежедневно свою совѣсть и произносить судъ надъ своими поступками. „По прошествіи дня, сообщаетъ объ этомъ философъ Сенека, прежде, чѣмъ предаться ночному покою, онъ спрашивалъ свою душу: отъ какого зла исцѣлилась ты сегодня, какому пороку оказала ты противодѣйствіе“? Сенека самъ на себѣ испыталъ благотворные плоды подражанія этому прекрасному примѣру своего учителя; подобное же подражаніе онъ рекомендуетъ и всѣмъ, кто желаетъ своего нравственнаго исцѣленія, какъ лучшее и вѣрнѣйшее средство борьбы съ пороками⁴⁾. Эта борьба тѣмъ легче, чѣмъ порокъ менѣе сильно овладеваетъ душой, чѣмъ онъ, такъ сказать, свѣжѣе. Врачу, вѣдь, меньше работы, если онъ застаеетъ болѣзнь въ самомъ началѣ ея проявленія, почему и работу совершенствованія лучше всего начинать „прежде, чѣмъ не отвердѣла испорченность души“. Впрочемъ, и относительно того, что уже окрѣпло въ душѣ, я, говоритъ Сенека, не отчаиваюсь, ибо нѣтъ ничего, что не побѣ-

¹⁾ Epist. 43, 5.

²⁾ Epist. 43, 4—5; 97, 12.

³⁾ De ira III, 36, 1.

⁴⁾ Ibid. 36, 1—3.

дила бы упорная дѣятельность и напряженное, усердное стараніе“ ¹⁾). Усиліемъ своей воли человекъ, слѣдовательно, всегда можетъ побѣдить силу пороковъ и хотя медленно, съ задержками, но все же подвигаться по пути нравственнаго совершенствованія до тѣхъ поръ, пока все его внутреннее существо не „преобразится“ (*transfigurati* ²⁾), совершенно не обновится. Съ спокойной душою можетъ тогда жить человекъ, безъ всякаго страха ожидая того дня, въ который постигнетъ его смерть, этотъ общій удѣлъ всего человечества ³⁾), эта одинаково для всѣхъ неотразимая необходимость ⁴⁾). Когда придетъ этотъ грозный судія и похититъ насъ изъ жизни,—скрыто отъ насъ ⁵⁾), но человекъ долженъ былъ всегда готовъ достойно встрѣтить его, почему онъ ни на одинъ моментъ не долженъ забывать о ней, напротивъ, всегда и вездѣ помятовать ⁶⁾), взирая на каждый день своей жизни, какъ на послѣдній ⁷⁾). Въдь она всегда вблизи насъ ⁸⁾) и каждый мигъ приближаетъ насъ къ ней ⁹⁾). Рапо, или поздно постигнетъ человека этотъ общій для всѣхъ законъ ¹⁰⁾), это совершенно безразлично. „Путь неоконченъ, говоритъ Сенека, если остановишься посерединѣ, не достигши желанной цѣли, но жизнь, (гдѣ бы она ни остановилась), можетъ быть вполне законченной, если только она проведена честно ¹¹⁾). Въдь, цѣнность жизни измѣряется

¹⁾ Epist. 50, 4—6.

²⁾ Epist. 6, 1, 94, 48.

³⁾ Ad Polyb. I, 4, 11, 3; Nat. Quaest. II, 59, 6. 8; Epist. 77; 12; 99, 6—7.

⁴⁾ Epist. 30, 11.

⁵⁾ Epist. 101, 7.

⁶⁾ Epist. 114, 27; 30, 18.

⁷⁾ De moribus 10 (въ изд. Haase p. 462 t. III).

⁸⁾ Epist. 49, 11; N. Quaest. VI, 2, 6.

⁹⁾ Epist. 120, 17.

¹⁰⁾ Epist. 123, 16.

¹¹⁾ Epist. 77, 4.

не временемъ, а поступками ¹⁾, ибо не сама по себѣ жизнь есть благо, а только хорошая жизнь ²⁾. Что за важность, если человѣкъ умеръ въ восьмидесятилѣтнемъ возрастѣ: онъ и въ такое долгое время могъ не жить, а только влачить свое существованіе, какъ животныя? Другой и въ молодыхъ лѣтахъ умерши могъ съ честью пройти свой кратковременный путь и осуществить всѣ обязанности честнаго гражданина, добраго друга и сына ³⁾.

Что будетъ съ человѣкомъ по смерти, Сенека опредѣленно не знаетъ, но онъ всей душой желалъ бы вѣрить словамъ мудрецовъ, что послѣ смерти человѣка воспринимаетъ какое-то мѣсто ⁴⁾, въ которомъ духъ его, освободившись отъ тѣлесныхъ оковъ, наслаждается вѣчнымъ покоемъ, гдѣ ни страхъ бѣдности, ни забота о богатствѣ, ни жало грѣховной чувственности не волнуютъ его ⁵⁾, гдѣ онъ ликуетъ въ общеніи съ великими и прославленными предками своими ⁶⁾, и гдѣ ему сообщаются положительныя знанія истинной природы вещей ⁷⁾. Земная жизнь, такимъ образомъ, есть только прелюдія къ другой, лучшей, болѣе продолжительной и болѣе высокой жизни; она есть тотъ, продолжающійся отъ дѣтства до старости періодъ, въ теченіе котораго мы зрѣемъ для другого, новаго рожденія и новаго порядка вещей ⁸⁾, почему и самый день смерти, котораго всѣ такъ боятся, есть въ сущности не что иное, какъ день рожденія (*dies natalis*) въ эту лучшую жизнь ⁹⁾.

¹⁾ Epist. 93, 4.

²⁾ Epist. 70, 4.

³⁾ Epist. 93, 4.

⁴⁾ Epist. 63, 16.

⁵⁾ Ad Marc. 19, 5; Ad Polyb. 9, 7.

⁶⁾ Ad Marc. 25, 1.

⁷⁾ Ad Marc. 25, 2.

⁸⁾ Epist. 102, 22—23.

⁹⁾ Epist. 102, 26.

Но человекъ не одинокимъ поставленъ въ мірѣ, а предназначенъ жить въ сообществѣ съ другими людьми и если по отношенію къ себѣ его главной цѣлью является забота о личномъ нравственномъ совершенствованіи, то на чемъ должны основываться и въ чемъ выражаться отношенія его къ подобнымъ себѣ? Определить отношенія не трудно, если принять во вниманіе, что природа всѣхъ людей одна и та же. Произведши всѣхъ изъ одной матеріи, природа сдѣлала ихъ „родственниками“ (*cognatos*) другъ другу ¹⁾ и образовала изъ нихъ единый, великій общественный организмъ, заботу о сохраненіи благосостоянія котораго она возложила на каждого изъ членовъ его. Вотъ почему, кто жаждетъ быть истиннымъ гражданиномъ вселенной, тотъ долженъ всѣмъ оказывать помощь и всѣмъ приносить пользу, воздерживаясь отъ вреда кому бы то ни было. Какъ камни въ сводѣ, взаимно поддерживая другъ друга не позволяютъ ему рушиться, такъ точно и члены человеческого общества должны помогать другъ другу, если хотятъ прочности общественнаго союза ²⁾. Вѣдь, что было бы, если бы руки задумали вредить ногамъ, а глаза рукамъ ³⁾. Безъ сомнѣнія, организмъ прекратилъ бы свое существованіе! Такъ точно и великій общественный организмъ человечества разрушится, если члены его будутъ наносить вредъ другъ другу ⁴⁾. „Нормальное сообщество (*salva societas*) безъ взаимной охраны и любви частей существовать не можетъ“ ⁵⁾. Эта любовная забота о другихъ тѣмъ болѣе необходима, что и благосостояніе каждого зависитъ всецѣло отъ благосостоянія общества. Поэтому, „для другого ты долженъ жить,

¹⁾ Epist. 95, 52.

²⁾ Epist. 95, 53.

³⁾ De ira II, 31, 7.

⁴⁾ De benef. IV, 18, 7.

⁵⁾ De ira II, 31, 7.

говорить Сенека, если хочешь жить для себя¹⁾. Да иначе и быть не можетъ. Вѣдь, только какъ членъ человѣческаго общества, человѣкъ, это, само по себѣ слабое и безсильное, существо²⁾, этотъ хрупкій сосудъ³⁾, становится царемъ и владыкою природы⁴⁾, и, наоборотъ, на бѣдствія и несчастія обреченъ тотъ, кто для себя только живетъ и нисколько не заботится о другихъ⁵⁾. Такимъ образомъ, благотвореніе⁶⁾ и благотворительность со всѣми ея видами являются прямымъ требованіемъ самой природы. А такъ какъ природа у всѣхъ людей одинакова, то изъ области благотворенія никто не можетъ быть исключенъ: ни рабы, ни даже враги⁷⁾. Кто бы ни былъ человѣкъ по своему внѣшнему положенію, въ какомъ бы внутреннемъ отношеніи онъ къ намъ ни стоялъ, долгъ нашъ—помочь ему и оказать благотвореніе: потерпѣть онъ кораблекрушеніе,—протянуть ему спасающую руку, заблудится—показать ему путь, будетъ голодать—раздѣлить съ нимъ свой хлѣбъ⁸⁾. Въ этомъ случаѣ люди за образецъ должны брать Божество, которое свои щедроты изливаетъ на всѣхъ безъ исключенія: вѣдь, по его Провидѣнію, „и надъ преступниками восходитъ солнце и пиратамъ открыты моря“⁹⁾. „Природа, говоритъ Сенека, повелѣваетъ мнѣ быть полезнымъ всѣмъ людямъ, рабы-ли они, или свободны, или вольноотпущенники. Что за важность? Гдѣ человѣкъ, тамъ и мѣсто благотворенія“¹⁰⁾. „Человѣкъ, эта священная

¹⁾ Epist. 48, 2.

²⁾ De benefic. IV, 18, 3.

³⁾ Ad Marc. 11, 3.

⁴⁾ De benefic. IV, 18, 2, 3.

⁵⁾ Epist. 48, 2.

⁶⁾ Ученіе Сенеки „о благотвореніяхъ“ раскрыто имъ подробно въ его прекрасномъ и полномъ самыхъ возвышенныхъ мыслей сочиненіи „De beneficiis“ lib. I—VII. (Русск. перев. въ „Вѣрѣ и Раз.“).

⁷⁾ Ep. 120, 10; De v. b. 20, 5; De otio I, 4.

⁸⁾ Epist. 95, 51.

⁹⁾ De benefic. IV, 26, 1.

¹⁰⁾ De v. b. 24, 3.

вещь для человека¹⁾, долженъ быть дорогъ мнѣ уже по самому имени „человѣка“²⁾). Съ этой точки зрѣнія Сенека возмущается и сильно порицаетъ какъ гладиаторскіе бои, гдѣ кровь рабовъ, такихъ же людей, лилась рѣкой на потѣху развращенной толпы, такъ и войны вообще, съ какими бы цѣлями онѣ ни велись, ибо война унижаетъ достоинство людей и ставитъ ихъ ниже даже животныхъ, у которыхъ между собой царитъ полный міръ³⁾).

II.

Вотъ какъ мыслилъ и разрѣшалъ вѣчные вопросы языческой философіи-моралисты, не знавшій истинной религіи⁴⁾ и мыслилъ, какъ видите, такъ возвышенно, что, можетъ быть, ни у одного изъ насъ мелькнула мысль: „да вѣдь это чисто христіанское ученіе! Можетъ быть, Сенека дѣйствительно былъ знакомъ съ христіанствомъ, изъ котораго и почерпнулъ свои возвышенныя воззрѣнія“? На это можно сказать вамъ, что не вы первые думаете такъ. Подобная мысль естественно должна возникнуть у всякаго при знакомствѣ съ воззрѣніями Сенеки, тѣмъ болѣе, что онъ жилъ во время жизни Іисуса Христа и былъ современникомъ апостола Павла. Были и среди ученыхъ такіе, которые старались доказать знакомство Сенеки съ христіанствомъ⁵⁾, но всѣ ихъ усилія и доказательства сводились въ концѣ концовъ къ тому, что они ставили рядъ мѣстъ, взятыхъ изъ сочиненій Сенеки, въ параллель съ мѣстами Священнаго Писанія и указывали на существованіе дошедшей до насъ переписки между Сенекой и св. апостоломъ Павломъ. Но переписка эта учеными те-

¹⁾ Epist. 95, 33.

²⁾ De clem. I, 1, 3

³⁾ Epist. 95, 33, 31.

⁴⁾ Lactan. Div. inst. VI, 24.

⁵⁾ Въ нашей русской литературѣ вопросъ объ отношеніи Сенеки къ христіанству разработанъ слабо. Можно указать здѣсь на переводное соч. Буассье

перь вполне изслѣдована, при чемъ подложность ея доказана съ несомнѣнностью. Теперь всѣ ученые согласны, что она явилась на свѣтъ не ранѣе 4-го вѣка и что до блаж. Геронима святые отцы Церкви о ней ничего не знаютъ. Что же касается приводимыхъ изъ сочиненій Сенеки и Св. Писанія параллелей, то, во 1-хъ, большинство этихъ параллелей—искусственны и натянуты, во 2-хъ, подобныхъ параллелей можно привести не менѣе, если не болѣе и изъ сочиненій другихъ философовъ, особенно Платона и Цицерона, въ 3-хъ, при детальномъ изученіи воззрѣній Сенеки оказывается, что эти мѣста находятся во всѣхъ сочиненіяхъ Сенеки, не исключая даже и самыхъ раннихъ, написанныхъ въ то время, когда о какомъ бы то ни было вліяніи на Сенеку христіанства не могло быть и рѣчи и, въ 4-хъ, наконецъ, эти мѣста въ большинствѣ случаевъ содержатъ только отдѣльныя мысли философа, между тѣмъ какъ основныя начала его философіи, представляющей не что иное, какъ стоическій эклектизмъ, не только не согласны съ духомъ христіанскаго ученія, но, въ большинствѣ случаевъ, прямо противоположны ему. Какъ бы то ни было, но теперь уже никто не сомнѣвается, да и не имѣетъ достаточныхъ основаній сомнѣваться, что Сенека не зналъ христіанства. Если же его мысли и воззрѣнія подчасъ

„Римская религія отъ Авг. до Антониновъ“ Москва, 1878 (стр. 327—393); Фаррара „Искатели Бога“ перев. Комарск. СПб. 1898; Марта „Философы и поэты-моралисты“ перев. Марія Корсака. СПб. 1898 г. и др. Болѣе основательно разобранъ вопросъ о „перелипкѣ Сенеки съ ап. Павломъ“ въ журнальных статьяхъ (В. и Раз. 1895 г.; Прав. Об. 1883 г. и др.) Но на Западѣ вопросъ объ отношеніи Сенеки къ христіанству имѣетъ обширную литературу какъ на французскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ. Изъ сочиненій по этому вопросу можно указать особенно на „Senèque et Saint Paul“ Aubertin. Paris, 1872 г., Baumgarten „Lucius A. Seneca und das Christenthum“... Rostock 1895 г.; Kreyler „L. A. Seneca und seine Beziehungen zum Urchristenthum“ Berlin. 1897 г.; Ribbek „L. A. Seneca der Philosoph und sein Verhältniss zu Epicur, Plato und dem Christenthum“. Hannover 1887; Chr. Baur, „Seneca und Paulus, das Verhältniss des Stoicismus zum Christenthum nach den Schriften Senecas“. Leipz. 1876 и др.

Труды Киевск. дух. Акад. Т. II. 1905 г.

звучать по-христіански, то это—плодъ его глубокаго изученія лучшихъ сторонъ работы философской мысли, бывшей до него и плодъ истиннаго пониманія имъ нравственныхъ задачъ и потребностей своего времени, нуждавшагося въ прочныхъ и возвышенныхъ началахъ нравственности. Мысли эти о томъ лишь свидѣлствуютъ, что и міра языческаго Богъ не оставилъ безъ Своего Премудраго Промысла, что и язычниковъ, блуждавшихъ во тьмѣ невѣдѣнія истиннаго Бога, Онъ, всеблагій Отецъ, приготовлялъ къ принятію Сына Своего особыми путями, отличными отъ тѣхъ, какими Онъ велъ народъ избранный. Съ другой стороны, эти чистыя воззрѣнія философской мысли показываютъ, какъ много въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія можетъ сдѣлать человекъ при помощи одного только естественнаго ума и естественныхъ, хотя и распатанныхъ грѣхомъ, нравственныхъ силъ своихъ. Но тѣмъ безотвѣтнѣе предъ всѣми этими нравственными язычниками, предъ этими Сократами, Платонами, Цицеронами и Сенеками, мы, христіане, не цѣнящіе дарованныхъ намъ небесныхъ благъ и часто позабывающіе о томъ, къ чему обязываетъ насъ наше имя христіанъ, наша принадлежность ко Христову стаду. А вѣдь мы просвѣщены свѣтомъ ученія Христа, искуплены Его святой кровію, облагодѣлательствованы всѣми дарами благодати, надѣлены всѣми силами, „яже къ животу и благочестію“! Сенека самъ, своими естественными силами подъ руководствомъ только философіи, позналъ высокое назначеніе человека въ мірѣ, понялъ всю суетность и безразличіе земныхъ благъ, онъ только своей естественной нравственной чуткостью уразумѣлъ, какъ мало соответствуетъ жизнь людей ихъ высокому положенію въ мірѣ, какъ развратно и порочно человечество. А мы, христіане? Много-ли думаемъ мы, да и думаемъ-ли объ этомъ нравственномъ недостойнствѣ своемъ? освѣщаемъ-ли свѣтомъ ученія Христова жизнь свою и жизнь всего человечества? Не наоборотъ-ли? Не впали-ли мы въ

какое-то нравственное безразличіе, чтобы не сказать въ отупѣніе, съ точки зрѣнія котораго стало „вся лѣтъ“, т. е. все позволительно человѣку, хотя бы это было ему и не на нравственную пользу, безразличіе, при которомъ всякія границы между добромъ и зломъ, между добродѣтелью и порокомъ уничтожаются, нравственные силы замираютъ, а темныя, порочныя страсти получаютъ господство? Мало слышимъ мы теперь рѣчей о нравственныхъ задачахъ человѣка, мало видимъ мы и людей, работающихъ надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ. Теперь другіе интересы охватили человѣчество, иныя цѣли преслѣдуетъ оно, забывая о томъ, „что едино есть на потребу“. Теперь говорятъ объ удобствахъ жизни, объ увеличеніи матеріальныхъ благъ, о переустройствѣ общественнаго организма, объ уничтоженіи капитализма, о созданіи сильной физически породы людей, предъ которыми бы было безсильно все вѣдѣнное, которые не знали бы иныхъ законовъ, кромѣ законовъ своего горлаго „я“, не преслѣдовали бы никакихъ другихъ цѣлей, кромѣ поднаго и всесторонняго исполненія своихъ желаній, удовлетворенія своихъ страстей и т. п. Но много-ли слышимъ мы голосовъ, призывающихъ человѣчество къ культурѣ духа, къ работѣ надъ своимъ нравственнымъ совершенствованіемъ? Да и гдѣ намъ слышать ихъ? Въ домахъ? При собраніяхъ друзей? Но здѣсь мы заняты веселыми, игривыми бесѣдами, или „умными“ разговорами объ общественныхъ дѣлахъ, здѣсь мы трактуемъ о политикѣ, о реформахъ, разсуждаемъ на тему „о злобахъ дня“, словомъ о всемъ, только не о нравственныхъ потребностяхъ человѣчества, не о поднятіи нравственнаго уровня современнаго общества. Въ театрахъ? Но мы не любимъ серьезныхъ піесъ и если хоть немножко замѣчаемъ, что авторъ задается цѣлью облагородить насъ, возвысить насъ въ нравственномъ отношеніи, мы уходимъ, презрительно говоря: „старо, избито“..., а если и смотримъ, то нашъ скучающій взоръ свидѣтельствуемъ, что

душа наша далека отъ тѣхъ чистыхъ и высокихъ идеаловъ, которые авторъ воплотилъ въ своемъ произведеніи. За то на игривыхъ піесахъ, особенно, если онѣ полны двусмысленности и бьютъ на нашу чувственность, мы отдыхаемъ; мы готовы тогда забыть всѣ наши обязанности, готовы смотрѣть эти „боевыя піесы“ хоть цѣлую ночь. Въ храмахъ Божіихъ? Но мы все болѣе и болѣе удаляемся и уклоняемся отъ богослуженія, а потому все болѣе и болѣе лишаемся его назидательной силы. Если же мы и присутствуемъ при немъ, то сердце наше далеко отстоитъ отъ того, что мы видимъ и слышимъ здѣсь; и въ храмѣ Божіемъ мысли наши по землѣ блуждаютъ, сердца наши земными попеченіями отягчаются. Въ управленіяхъ, конторахъ, на биржахъ, въ общественныхъ мѣстахъ? Но здѣсь всюду вершаются „дѣла“, рѣшаются прямые „насущныя вопросы“, здѣсь нѣтъ времени разсуждать о нравственности, здѣсь некогда заниматься „посторонними“ вопросами. А вотъ Сенека былъ всецѣло занятъ этими „насущными дѣлами“, потому что онъ несъ тяжелый и отвѣтственный постъ перваго министра въ громадномъ Римскомъ государствѣ и все-таки онъ находилъ время заниматься и вопросами нравственности, заботясь не о своемъ только улучшеніи, но и руководя нравственнымъ оздоровленіемъ и другихъ. Не смотря на массу дѣлъ, утомленный и измученный дневными заботами, онъ былъ все-таки въ состояніи, какъ мы видѣли, предъ отходомъ ко сну даже испытывать свою душу, просматривать мысленно все сдѣланное и сказанное въ теченіе дня съ цѣлю выясненія успѣховъ своихъ на пути нравственнаго совершенствованія. Дѣлаемъ-ли мы, христіане, или, по крайней мѣрѣ большинство изъ насъ, что-нибудь подобное?... Усталые отъ дневныхъ трудовъ мы спѣшимъ на ложе свое, торопимся какъ можно скорѣе предаться сладостному покою сна, позабывая даже осѣнить себя знаменіемъ креста Христова, вознести хотя кратко благодарную молитву Богу своему за прожитый день

и хотя краткую мольбу о сохраненіи души нашей отъ вражескихъ стрѣлъ духа злобы. А до того, чтобы еще судить себя за свои дѣла, поступки и мысли, прислушивалъ къ голосу совѣсти, о! отъ этого мы далеки! Безпечно, день за днемъ влачимъ мы свое земное существованіе, отдавая дань своимъ низшимъ потребностямъ и служа „тѣмъ вѣка сего“, нагромождаемъ въ душѣ своей порокъ на порокъ, грѣхъ на грѣхъ, а объ исправленіи и не думаемъ; не думаемъ даже о томъ, такъ-ли мы живемъ, какъ должны мы жить. Правда, иногда въ душѣ нашей шевельнется сознаніе, что мы грѣшимъ, что мы дѣлаемъ противное нравственности, но мы сейчасъ же успокаиваемъ себя, извиняемъ ссылкой на то, что насъ побудили къ тому обстоятельства, что такъ со всѣми бываетъ и заглушаются укоры совѣсти, проступокъ забывается, душа по-прежнему остается загрязненной и если представится случай, мы уже съ большей легкостью дѣлаемъ тотъ же грѣхъ и успокоенная извиненіями совѣсть или со-всѣмъ молчитъ, или слишкомъ слабымъ становится ея божественный голосъ. Есть у насъ, христіанъ, еще одно могучее средство нравственнаго исцѣленія—это благодатное таинство покаянія; но мы и сюда съумѣли внести холодное отношеніе къ дѣлу исцѣленія своей души, съумѣли опошлить заботу Церкви Христовой о нашемъ нравственномъ оздоровленіи. Мы смотримъ на это спасительное таинство или какъ на какую-то повинность, которую намъ волей-неволей приходится отбывать, или какъ на магическое дѣйствіе, отъ одного совершенія котораго грѣхи наши изглаживаются. Но забываемъ мы, что не чрезъ слова и внѣшнія дѣйствія получаемъ мы здѣсь исцѣленіе отъ ранъ душевныхъ, а чрезъ свое нравственное расположеніе, чрезъ святую и праведную настроенность души, сознавшей свои грѣхи и торжественно предъ служителемъ Тайнъ Божіихъ и св. Крестомъ обещающей бороться съ грѣхомъ и соблазнами міра сего. Сенека только предъ своею совѣстію исповѣдывалъ грѣхи свои,

только душѣ своей отдавалъ отчетъ въ дѣлахъ и мысляхъ своихъ, а мы и предъ лицомъ Божиимъ исповѣдуясь не хотимъ сдѣлать этого такъ, какъ должно. У Сенеки есть только одинъ грозный судія—это день смерти; потому-то и всѣ силы свои онъ направляетъ на то, чтобы, должнымъ образомъ приготовиться къ этому дню, чтобы „проживши честно, честно и умереть“; потому-то онъ постоянно и помнитъ о смерти, смотря на каждый день своей жизни, какъ на послѣдній. А мы? — Мы позабываемъ объ этомъ днѣ. Занятые мелочными житейскими интересами, погруженные всецѣло въ тину земныхъ радостей и удовольствій, мы не думаемъ о томъ, что, можетъ быть, въ сегодняшнюю ночь „душу нашу истяжутъ отъ насъ“; мы строимъ грандіозные планы на завтрашніе дни, даже на будущіе годы, не представляя, что, можетъ быть, коса смерти занесена уже надъ головой нашей и что, можетъ быть, сейчасъ, въ этотъ моментъ всѣ наши планы разлетятся какъ дымъ, всѣ наши мечты развѣются какъ прахъ. А между тѣмъ, Слово Божіе ясно поучаетъ насъ, какъ полезно для нашей нравственности памятованіе объ этомъ днѣ смерти. „Поминай послѣдняя твоя, говоритъ оно намъ, и во вѣкъ не согрѣшиши“ (Сир. VІІ, 29). Но мы не хотимъ знать этого мудраго правила, а можетъ быть, и не знаемъ даже о его существованіи, равно какъ и о существованіи многихъ другихъ подобныхъ мулрыхъ правилъ. Вѣдь Слово-то Божіе, книги св. Писанія, гдѣ на каждой страницѣ указано „что есть воля Божія „благая и совершенная“ (Ефес V. 17 ст.), у насъ въ полномъ пренебреженіи. Мы съ удовольствіемъ читаемъ произведенія ума человѣческаго, иногда и очень сомнительныя въ нравственномъ отношеніи, читаемъ, нерѣдко посвящая этому чтенію всѣ свободные часы и положительно не имѣемъ охоты читать ту книгу, въ которой заключены „глаголы живота вѣчнаго“. Отъ того-то мы и такіе

невѣжды въ Словѣ Божіемъ, потому-то и колеблются наши убѣжденія отъ малѣйшаго дуновенія зловредныхъ еретиковъ, отъ того-то и стало теперь такъ много отпадать не только отъ церкви православной, но и прямо отъ вѣры Христовой. Сенека-язычникъ всю жизнь свою отъ юности до старости посвятилъ изученію произведеній предшествовавшихъ ему философовъ, стараясь и заботясь только объ одномъ,—чтобы отыскать среди массы ложныхъ воззрѣній крупицы истины, найти пищу для своего нравственнаго сердца. А мы и взалѣя этой Истиной и именуясь послѣдователями Того, Кто есть сама „Истина“, такъ не радѣемъ объ истинѣ Его, что намъ трудно даже разгнать священную книгу, дабы безъ труда получить и узнать истину, долженствующую освѣтить всю жизнь нашу, рѣшить всѣ присущіе духу нашему высшіе вопросы, удовлетворить высшія потребности. Немудрено, что и между христіанами теперь находится немало такихъ, которые сомнѣваются, даже совсѣмъ отрицаютъ великія христіанскія истины. Немало теперь можно встрѣтить, напр., такихъ, которые смотрятъ на жизнь свою, какъ на цѣль саму въ себѣ и не признаютъ никакой иной жизни, кромѣ этой земной. Для такихъ людей жизнь—или веселый пиръ, на которомъ они пьютъ сладкую чашу удовольствій, съ безпечною говоря: „да ямы и шѣмы, утре бо умремъ“, или же—адъ терзаній и внѣшнихъ и внутреннихъ мученій, отъ которыхъ они стремятся избавиться какими бы то ни было средствами, или топя скорбь и тоску жизни въ винѣ и развратѣ, или насильственно пресѣкая самую жизнь, опостылѣвшую и надѣвшую имъ. Пусть же устыдятся эти люди съ своими безумными рѣчами о томъ, что въ смерти весь человѣкъ разрушается и обращается въ прахъ, пусть, говоря, устыдятся они языческаго мудреца, которому Божественное Откровеніе не сообщило тайны загробной жизни, но который всей душой хочетъ вѣрить, что послѣ смерти насту-

питъ иная, лучшая жизнь, гдѣ, какъ говоритъ знаменитый Сократъ, „добрымъ лучше, чѣмъ злымъ“ ¹⁾).

Но если мы даже по отношенію къ себѣ не знаемъ обязанностей, налагаемыхъ на насъ званіемъ христіанъ, то что уже говорить о томъ, какъ мы исполняемъ наши обязанности по отношенію къ ближнимъ нашимъ? Гдѣ теперь та всеобъемлющая сила христіанской любви, которая „долго-терпитъ, милосердствуетъ, не завидуетъ, не ищетъ своего, не мыслитъ зла, все переноситъ“ (1 Кор XIII, 4—7), гдѣ осуществленіе великой заповѣди Христовой: „возлюбиши ближняго твоего, яко самъ себе“. Не любимъ мы ближнихъ нашихъ, мало добра истиннаго дѣлаемъ имъ. Мы смотримъ на всѣхъ, какъ на враговъ нашихъ, которые готовы отнять у насъ сытный кусокъ хлѣба, готовы разрушить наше благосостояніе; смотримъ такъ и не думаемъ, что можетъ быть мы сами, своими чрезмѣрными заботами о своемъ благосостояніи, и довели ихъ до такого состоянія, что они стали нашими врагами. Оттого-то и кипитъ эта скрытая злоба и вражда трудовыхъ классовъ общества, потомъ и нервами своими добывающихъ кусокъ хлѣба, противъ сытаго и празднаго высшаго сословія, оттого-то такъ и чревата наша общественная жизнь всевозможнаго рода нестроеніями, оттого-то и шатаются устои нашего общественного организма. А еще утописты мечтаютъ о золотомъ вѣкѣ, который наступитъ съ улучшеніемъ соціально-экономическихъ условій жизни. Нѣтъ, господа утописты! Вы душу-то человечества очистите сначала, напитайте ее нравственной силой, оживите изсохшее русло общественности животворной влагой любви христіанской и тогда, и только тогда, вы можете надѣяться на осуществленіе своихъ мечтаній,—золотой вѣкъ тогда самъ собой придетъ и наступитъ. Но вы не хотите знать этой

¹⁾ Phaedon p 63.

животворной силы любви. Ту породу людей, сильныхъ и могучихъ, которая, по вашему мнѣнію, осуществить идею общечеловѣческаго счастья, вы хотите создать не на почвѣ любви, а на насиліи. Всеобщее благополучіе вы думаете утвердить на трупахъ слабыхъ, подавленныхъ мощію сильныхъ натуръ. Но если вы не внемлете голосу христіанства, то устыдитесь словъ языческаго мудреца, который увѣренъ, что „нормальное сообщество безъ взаимной охраны и любви чистей существовать не можетъ“, которому прямая логика жизни подсказываетъ признать справедливейшимъ мудрое изреченіе древняго философа Гекатона: „если ты хочешь быть любимымъ, то самъ люби“ ¹⁾, который, наконецъ, прямо высказываетъ основное требованіе къ каждому члену общества: „для другихъ ты долженъ жить, если хочешь жить для себя“ ²⁾. Бойтесь же всѣ, мечтающіе основать общественную жизнь и общественное благополучіе на иныхъ началахъ кромѣ любви христіанской, какъ бы всѣ ваши стремленія и усилія не къ обратнымъ послѣдствіямъ привели, какъ бы вамъ окончательно не расшатать и безъ того уже расшатанные устои общественного организма!

Много бы еще можно говорить о современной нравственности, ставя въ сравненіе съ ней воззрѣнія языческаго моралиста—область эта такъ же неисчерпаема и обильна, какъ необъятна и сама жизнь,—но боюсь, что своей длинной рѣчью я и безъ того уже утомилъ своихъ почтенныхъ слушателей. Однако, и сказаннаго, думаю, достаточно для того, чтобы каждый изъ насъ, выходя отсюда, хоть немножко заглянулъ въ свою душу и, сравнивъ себя съ мудрымъ язычникомъ Сенекой, искренно и простосердечно отвѣтилъ на вопросъ: „кто стоитъ выше въ нравственномъ отношеніи: „мы-ли, носящіе великое и почетное имя Христовыхъ послѣдователей, или этотъ нравственный язычникъ, не знавшій ученія

¹⁾ Epist. 9, 6.

²⁾ Epist. 48, 2.

Христа и не просвѣщенный свѣтомъ его“? И думается, что тотъ, кто сравненіе это произведетъ основательно и безпристрастно, кто глубже изслѣдуетъ душу свою и основательнѣе познакомится съ симпатичной личностью языческаго философа¹⁾, тотъ не можетъ на этотъ вопросъ отвѣтить иначе, какъ такъ: „да, этотъ мудрый язычникъ въ нравственномъ отношеніи стоитъ неизмѣримо выше насъ“! Пусть его жизнь не всегда согласовалась съ его ученіемъ, пусть иногда онъ шелъ на компромиссъ съ своей совѣстію въ дѣйствительной жизни, пусть онъ болѣе, чѣмъ кто-либо, могъ сказать о себѣ „не еже бо хочу доброе, творю, а еже не хочу злое, сіе содѣваю“, но... если мы вникнемъ въ тѣ ужасныя условія, въ которыхъ ему приходилось дѣйствовать, въ ту силу и господство пороковъ, которыми онъ былъ окруженъ, въ тотъ трагизмъ положенія его—съ одной стороны, перваго министра при безнравственномъ Неронѣ, власти и силѣ котораго противостоять онъ не могъ, а съ другой—честнаго, нравственнаго гражданина, ревнующаго о спасеніи своего дорогого отечества, если мы подумаемъ только, какъ много долженъ былъ вынести, какую тяжелую и непосильную борьбу перенести этотъ нравственный человекъ среди безнравственной атмосферы, то мы многое ему простимъ и многое не поставимъ въ упрекъ. Сенека не скрывалъ отъ себя этихъ противорѣчій; напротивъ, ясно сознавалъ ихъ и всю жизнь свою боролся съ ними, радуясь каждому шагу своихъ успѣховъ въ области нравственнаго совершенствованія. И послѣдними днями своей жизни, когда, удалившись отъ дѣлъ правленія, онъ всецѣло предавался занятіямъ философін, ведя самый простой и умѣренный образъ жизни, а главное—своей смертію, вполне достойной великаго римскаго мудреца²⁾, онъ искупилъ всѣ дефекты своей общественной

¹⁾ Съ жизнью Сенеки можно познакомиться по сочин. Фаррара „Искатели Бога“.

²⁾ Послѣднія минуты его прекрасно описаны у Тацита (Annal. XV, 60—65).

жизни, загладилъ всѣ тѣ погрѣшности противъ нравственности, какія volens-nolens приходилось ему дѣлать подъ давлѣніемъ виѣшнихъ обстоятельствъ. Онъ умеръ съ молитвой „Юпитеру-Освободителю“ (Jovi liberatori) на устахъ, окруженный друзьями, съ которыми онъ бесѣдовалъ въ послѣднія минуты о благѣ человечества, умеръ съ спокойной душой и съ полнымъ сознаніемъ того, что свято исполнилъ все, что требовалъ отъ него нравственный долгъ честнаго гражданина, семьянина и мудреца. Да, дѣйствительно, онъ вплоть предъ смертью своей могъ сказать то, что влагаетъ ему въ уста нашъ поэтъ Майковъ, извѣстный почитатель его:

„Творецъ мнѣ разумъ строгій далъ,
„Чтобъ я вселенную извѣдалъ
„И, что въ себѣ и въ ней позналъ,
„Въ науку-бъ позднимъ внукамъ предалъ.
„Послалъ онъ въ встрѣчу злобу мнѣ,
„Разарать чудовищный и гнусный,
„Чтобъ я, какъ дубъ на вышинѣ,
„Средь бурь окрѣпъ въ борьбѣ искусной,
„Чтобъ въ массѣ подвиговъ и дѣлъ
„Я образъ свой напечатлѣлъ.—
„Я все свершилъ! Мой образъ вылить.
„Еще рѣзца послѣдній взмахъ,
„И гордо станетъ онъ въ вѣкахъ“!

О, если бы каждый изъ насъ умирая могъ такъ же спокойно и увѣренно сказать о себѣ: „я все свершилъ“!

Викторъ Фаминскій.